

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-3-441-448

Редакционная статья / Editorial article

Внешняя политика России: к комплексному осмыслению

А.П. Цыганков

Государственный университет Сан-Франциско, Сан-Франциско, Калифорния, США

Для цитирования: Цыганков А.П. Внешняя политика России: к комплексному осмыслению // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 3. С. 441—448. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-3-441-448

Russian Foreign Policy: On a Copenhensive Understanding

A.P. Tsygankov

State University of San Francisco, San Francisco, California, USA

For citation: Tsygankov, A.P. (2020). Russian Foreign Policy: On a Copenhensive Understanding. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (3), 441—448. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-3-441-448

В данной статье, написанной для выпуска о российской внешней политике, хотелось бы кратко обсудить важность осмысления этой политики как материи сложной, не поддающейся пониманию с помощью какой-то одной теории. При всей ценности и незаменимости теории в деле упорядочивания фактов она ограничена и не способна выйти за пределы ею же заданных параметров и допущений. Отчасти поэтому в отредактированной мною обзорной книге о внешней политике России [The Routledge Handbook of Russian Foreign Policy 2018] приводится достаточно широкая палитра теоретических подходов, каждый из которых представляется важным и ценным.

Комплексность, в моем представлении, есть попытка выйти за пределы одной из теорий в понимании внешнеполитического процесса. В осмыслении внешней политики России сложилось уже немало школ и

подходов, и, безусловно, хотелось бы, во-первых, коротко охарактеризовать некоторые из наиболее значимых, а во-вторых, показать, что некоторые из них совместимы и вполне могут кое-чему друг у друга поучиться. Начать же следует с демонстрации того, как сложная реальность международного поведения России уже породила немало устойчиво-ошибочных представлений и мифов, в том числе в силу нежелания теорий и теоретиков учиться друг у друга и пересматривать собственные убеждения.

Следует оговориться, что данный материал не претендует ни на исчерпывающее, ни даже на достаточное по академическим меркам рассмотрение проблемы комплексности. Надеюсь лишь привлечь внимание к ее дальнейшему обсуждению, в необходимости которого нет сомнений.

© Цыганков А.П., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Мифы и реальность внешней политики России

Отчасти потому, что внешняя политика России играет в мире важную роль и затрагивает огромное количество интересов, она вызывает к жизни самые различные, нередко прямо противоположные объяснения и виды эмоциональной реакции. Академическое сообщество — не исключение. Во-первых, ученые не отделены от политики китайской стеной и участвуют в ее формировании своими работами. Во-вторых, по характеру своей деятельности ученые в большей степени, чем практики, склонны мыслить схемами и моделями, которые проверяют путем накладывания их на реальность. Это особенно характерно для сформировавшихся и уже создавших определенные школы и подходы ученых. Некоторые из них продолжают пересматривать собственные воззрения, но большинство желало бы укрепляться в них и далее (по крайней мере в мире своих учеников) путем демонстрации возможностей своей школы и теории.

Среди специалистов-теоретиков по внешней политике России распространено немало плохо согласующихся с реальностью мифов. В качестве примера можно назвать три таких мифа, каждый из которых порожден определенным типом мышления и изучения России.

Первый из них состоит в том, что российское руководство прежде всего озабочено увеличением силы и могущества России на международной арене. По известному выражению Уинстона Черчилля в фултонской речи, «нет ничего, чем они [русские] восхищаются больше, чем сила, и нет ничего, что они уважают меньше, чем военную слабость»¹. Этот миф разделяют и многие исследователи российской внешней политики. Как пишет, например, У. Фуллер, «когда российские государственные деятели спорят между собой относительно политики, которую должна проводить Россия, они обычно используют

хладнокровный язык стратегии и анализа, ...определяя политику с точки зрения выгод для российской силы и безопасности» [Fuller 1992: 132].

Согласно второму мифу, Россия по своей природе — страна экспансионистская, исторически стремившаяся к завоеванию и порабощению других народов². Мифология экспансионизма укреплялась среди западных специалистов по крайней мере со времени российского подавления польского восстания 1830–1831 гг. и революционных движений в Европе XIX столетия. Большевицкая революция и советский период дали теории экспансионизма новый импульс развития. Посол США в СССР Джордж Кеннан, как известно, считал советское государство продолжением российской имперской и экспансионистской традиции.

Наконец, третий миф утверждает, что тяга к силе и экспансии вытекает из авторитарной или тоталитарной традиции России. Одни исследователи связывают это с политической культурой страны, стремящейся доминировать, а не терпеть независимость других народов. Другие убеждены, что проблема заключается в организации государства и природе политического режима, который боится реформ и перемен в стране, компенсируя их отсутствием внешнеполитической активностью. Внешняя политика используется для отвлечения внимания граждан от внутренних проблем и обретения внутренней поддержки. Именно так, например, бывший посол США в России Майкл Макфол и другие объясняют российскую политику на Украине 2014 г., включая присоединение Крыма [McFaul, Sestanovich 2014].

Названные мифы продолжают определять понимание внешней политики России многими исследователями на Западе и за его пределами, несмотря на то, что держатся на селективном и препарированном представлении фактов. Каждый из них несложно поставить в иной культурно-политический контекст, придя к совершенно иным выводам от-

¹ Churchill W. *The Sinews of Peace // Sources of World History* / Ed. by M.A. Kishlansky. New York: Harper Collins, 1995. P. 298–302.

² Подробнее об этой теории см.: [Tsygankov 2012; Цыганков 2012].

носителем характера и мотивов российского поведения в мире.

Так, стремление к силе не означает, что русские не ценят международное право или стремятся к внешнеполитической экспансии. Исторический опыт защиты безопасности страны в условиях противостояния мощным (западным) державам и необходимости защищать протяженные сухопутные границы — реалии, которые в описанных мифах игнорируются. Принципы справедливого международного порядка находились и находятся в центре внимания российских правителей, требуя целенаправленного и равноправного участия всех крупных держав. Россия не раз демонстрировала, что стремится не к доминированию, а к равноправию в международных отношениях. Вспомним, например, создание Венского концерта при ведущей роли России, несмотря на возможность для Александра I диктовать свою волю Европе, не выводя войска из Парижа после разгрома Наполеона, а также переговоры крупных держав в Ялте, ставшие основой послевоенного порядка. За то, что этот порядок сегодня разваливается, ответственна не столько Россия, сколько Запад и США.

Основные теоретические подходы

На сегодняшний день сложилось уже немало интересных способов мышления о внешней политике России. С известной долей упрощения можно свести их к трем теоретическим семьям или подходам — реалистскому, конструктивистскому и либеральному [The Routledge Handbook of Russian Foreign Policy 2018: 1—118]. К сожалению, некоторые из них по-прежнему не свободны от названных выше мифов.

Весьма влиятельны в осмыслении российской внешней политики реалистские исследования. Для реалистов смысл поведения России связан с защитой национального интереса и таких ценностей, как суверенитет, безопасность и престиж страны в международных отношениях. Даже советские лидеры, такие как В.И. Ленин, И.В. Сталин и М.С. Горбачев, нередко рассматриваются

реалистами как защитники национального интереса. При этом национальный интерес видится реалистам как нечто геополитически заданное и не подлежащее пересмотру. Что касается факторов идеологии и внутренней политики, то им придается подчиненное значение. По словам авторов выдержавшего несколько изданий учебника по российской внешней политике, «и Ленин при заключении Брест-Литовского договора, и Сталин при подписании германо-советского пакта о ненападении в преддверии войны понимали, что их главной задачей является выживание российского государства и обеспечение его безопасности. Когда у них была возможность расширить границы, интересующие их территории были теми же, что интересовали русских царей и в силу действия тех же стратегических факторов» [Donaldson, Noguee 1998: 59].

Такое понимание правомерно, но не беспроблемно. Многие реалисты не проводят различий между ценностями государства и общества, нередко сводя мотивацию государств к реалиям геополитики. Но разве не возможны ситуации, когда внутренние ценности общества входят в противоречие с интересами государства на международной арене? Интересы общества могут претерпевать важные изменения, расходясь с геополитически постоянным национальным интересом, а понятие национального интереса может быть эксплуатировано оторвавшимися от нужд общества правящими группировками. Россия не раз участвовала в войнах, не отвечавших интересам широких слоев общества. Дипломатия давления Николая I на Османскую империю способствовала, например, втягиванию страны в Крымскую войну, которую Россия едва ли могла выиграть. Участие же в Первой мировой привело к Октябрьской революции и крушению и самого принявшего решение в ней участвовать государства.

Проблема реалистов и в том, что они часто не разделяют точку зрения лиц, принимающих решения, которая может сильно отличаться от их собственной. Даже далекие от геополитики деятели, в частности

М.С. Горбачев, оказываются под их пером желающими прежде всего укрепления силовых позиций страны. Так, реалисты рассматривают начатые последним руководителем СССР перемены как временное отступление и перегруппировку сил, а не как попытку изменить мир с характерными для него геополитическими принципами [Brooks, Wohlforth 2000]. Они полагают также, что, настаивая на самороспуске НАТО и выступая против расширения западного альянса, Россия руководствовалась принципами наступательного реализма и желанием укрепить свои властные позиции в Европе [Sushentsov, Wohlforth 2020]. Но М.С. Горбачев не был реалистом и руководствовался не геополитикой, а желанием перестройки «для нашей страны и для всего мира»³. Не желали укрепления властных позиций и Б.Н. Ельцин с А.В. Козыревым, стремившиеся в Европу на основе разделяемых с нею ценностей демократии и рыночной экономики.

Либеральный подход анализирует внешнюю политику России иначе. Оспаривая или игнорируя реалистическую концепцию национальных интересов, либералы концентрируются на внутренней политике и коалициях интересов с различными внешнеполитическими программами. Национальное для них нередко связано с демократическим характером политической системы. Демократические системы рассматриваются в данном случае как способные сформулировать и консолидировать национальные ценности, в то время как авторитарные — как склонные подавлять и имитировать такие ценности, заменяя их пропагандой⁴.

Вместе с тем следует учитывать, что национальные ценности не всегда связаны с политической системой или совместимы с либерально-демократическим устройством. Народы и государства могут организовывать

свои системы по-разному и принимать на себя международные обязательства по различным, не связанным с внутренней политикой причинам.

Что касается России, то либералы уже не раз ошибались в своих оценках. Те, кто рассматривал Россию как ослабленную конкуренцией кланов внутри правящего класса, были удивлены ее способности — вопреки санкциям — к продолжению последовательной наступательной политики на различных направлениях, включая Украину, Сирию и Венесуэлу. Объяснения при помощи «автократии» и пропаганды Кремля едва ли убедительны, поскольку нередко игнорируют как поведение самих западных стран, так и убеждения широких слоев российского общества.

Реалистские и либеральные теории оставляют в стороне вопросы культурно-ценностного определения субъекта внешней политики. Для такого осмысления более пригодны конструктивистские подходы, рассматривающие социальную реальность не как неизменно данную, а как ценностно и культурно своеобразную. Ценностями в данном случае выступают морально-этические установки, существующие лишь в определенном социальном и культурном контексте. Если для реализма и либерализма внешнеполитические ценности сводятся к обеспечению безопасности и модернизации экономических и политических институтов, то конструктивисты задаются вопросами о самом характере такого ценностного выбора и его влиянии на внешнюю политику⁵.

Будучи теорией, нацеленной на выявление смыслов политического действия, конструктивизм позволяет проанализировать взаимные связи между национальными интересами государства и внутренними ценностями общества. Национальные ценности находятся между собой в сложном соотношении, составляя в своем комплексе *идею нации*. Например, русская идея представляет собой синтез державных ценностей и социокультурных установок, своеобразно соединившихся

³ Горбачев М.С. *Перестройка и новое мышление: для нашей страны и для всего мира*. М.: Политиздат, 1987.

⁴ См., например, главы о либерализме в: [The Oxford Handbook of International Relations 2008]. О критике воззрений либералов применительно к России см.: [Gunitsky, Tsygankov 2018].

⁵ Подробнее о конструктивистском направлении в анализе внешней политики см.: [Цыганков 2009].

на различных этапах исторического развития. Национальные идеи накладывают свой отпечаток на историческое развитие любого крупного народа. «Китайский путь», «американская мечта» или иной общенациональный идеал — не пустые абстракции, а сложные ценностные комплексы, предполагающие своеобразие в постановке внешнеполитических задач и путей их решения.

Идейно-державный синтез

Каждый из вышеназванных подходов ограничен, в то время как реальность внешней политики сложна и многообразна. Поэтому теоретикам есть смысл выстраивать модели комплексного осмысления реальности, синтезируя подчеркиваемые различными подходами факторы и объяснения.

Сказанное позволяет поставить вопрос не только о возможностях, но и о принципах синтеза различных теоретических подходов. Такие подходы далеко не во всем совместимы. Тем не менее каждый из них может попытаться — пусть и на своих условиях — интегрировать не являющиеся для него центральными мотивы внешнеполитического поведения. Например, реалисты могут сказать, что внутренняя политика и культурные ценности являются вторичными и способными уточнить, но не опровергнуть объяснения при помощи факторов международной системы⁶. Либералы — что вторичным является как раз влияние международной системы и культуры, а начинать следует с того, справедлива ли и либеральна ли политическая система страны.

Правоту этих синтезов следует проверять специально, исходя из конкретно рассматриваемого вопроса и внешнеполитического решения. Но каждый из выстраиваемых синтезов обязан учитывать наличие и потенциально значимое действие факторов, подчеркиваемых во всех основных подходах. Как минимум понимание внешней политики предполагает осмысление: 1) ценностей,

определяющих внутреннее своеобразие нации; 2) интересов, выявляемых отношениями государства с участниками международной системы; 3) совокупности информационных, политических и материально-силовых ресурсов государства и 4) восприятия внешней среды руководством государства.

В данном разделе целесообразно наметить возможность идейно-державного синтеза, прежде всего определяющего роль национальной идеи и национальных интересов во внешней политике России.

Система национальных ценностей

Система национальных ценностей задает базовые установки и ориентиры внешнеполитического поведения. С точки зрения национального сообщества нет ничего более важного, чем выживание и развитие системы объединяющих его ценностей. Даже физическая безопасность и границы вторичны по сравнению с безопасностью онтологической. В этом смысле можно утверждать, что есть вещи гораздо более значимые, чем мир и процветание, если они достаются ценой распада и уничтожения национального сообщества. Поэтому для аналитика внешней политики принципиально важным является знание и изучение политической мысли страны и ее теории, формирующей моральный дискурс и закладывающей систему национальных смыслов. Без знания и понимания русской международной теории трудно ожидать и понимания внешней политики России.

Исторически сформировавшаяся в России система национальных ценностей включает в себя понятия сильного государства, экономической справедливости, общего трансэтнического блага и великодержавности⁷. Современная «русская идея» позиционируется государством как идея «государства-цивилизации», защищающего свои ценности и интересы от посягательств Запада. Эти ценности продолжают формироваться, а условия внешнего давления со стороны США и западных стран способствуют

⁶ Так, например, поступают сегодня сторонники так называемого неоклассического реализма. См., в частности: [Neoclassical Realism... 2009].

⁷ См. подробнее: [Tsygankov 2012].

укреплению в стране националистических и антизападных настроений.

В первые годы президентства В.В. Путина Россия стремилась позиционировать себя как часть западного мира — страна демократии и рыночной экономики — с самостоятельными внешнеполитическими интересами. Даже после череды цветных революций в Евразии Кремль сохранил такого рода позиционирование, хотя внутри страны были предприняты меры по ограничению деятельности прозападных негосударственных организаций и фондов. Однако после избрания В.В. Путина президентом в 2012 г. ценностные акценты руководства подверглись существенной корректировке. Упор был сделан на формулировании идеи, способной объединить русских и нерусские национальности, укрепление конструкции сильного государства и усиление традиционных ценностей⁸.

Интересы и отношения с участниками международной системы

Интересы безопасности и развития национального сообщества формируются посредством его взаимодействия с внешним окружением, в котором имеются свои ведущие и ведомые. Ведущие выступают в роли «значимых других», задавая контекст и ориентиры внешнеполитического поведения. В случае если значимый другой не признает и ущемляет интересы национального сообщества (не говоря уже о его ценностях), его внешняя политика будет воспринимать международное окружение как угрозу своим интересам и ценностям, демонстрируя тенденцию к усилению национализма и закрытости по отношению к данному значимому другому. Если же значимый другой демонстрирует готовность к сотрудничеству и признанию

интересов и ценностей нации, его внешняя политика будет склонна к открытости международному окружению и не склонна к демонстрации национализма.

Отношения России со странами Запада определяются поведением западных стран и их готовностью признавать российские ценности и интересы, а также готовностью самого российского руководства отстаивать свою правоту в международных отношениях. Импульс к сотрудничеству возникает на основе единого понимания сторонами угроз их существованию и ценностям. Так было в период роста ревизионистских амбиций наполеоновской Франции, вильгельмовской и гитлеровской Германии, а также после террористических атак 11 сентября 2001 г. Если такое взаимопонимание отсутствует, результатом становится проведение Россией независимой от Запада политики наступательности или сдерживания.

Доминирующее в международной системе положение США делает основными интересами российской внешней политики отстаивание статуса великой державы и формирование многополярного мира, а также укрепление международного права и развитие международных институтов, способствующих безопасности и процветанию в мире. Наряду с разногласиями ценностного характера Россию не устраивает стремление США к глобальной гегемонии и игнорирование ими российских интересов, закрепленных российскими внешнеполитическими документами. Сотрудничество с Вашингтоном рассматривается как возможное партнерство равных, объединенных общим видением глобальных угроз участников.

Информационные, политические и материально-силовые ресурсы

С точки зрения средств осуществления внешней политики важнейшую роль играют информационные, политические и материально-силовые ресурсы. Государство более склонно к проведению наступательной политики, если такие ресурсы значительны и продолжают расти, и менее, если они незна-

⁸ В обращении к Федеральному Собранию 2013 г. В.В. Путин сформулировал свое понимание России как «консервативной» державы и глобальной защитницы традиционных ценностей (Послание Президента Российской Федерации от 12.12.2013 г. б/н (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства) // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38057> (дата обращения: 22.07.2020)).

чительны или снижаются. Наряду с системой ценностей такого рода внешнеполитические ресурсы — основа внутренней уверенности, без которой невозможны последовательность, упорство и результативность действий на международной арене.

Характер и восприятие руководства государства

Наконец, принципиальную роль в проведении внешней политики играют характер и восприятие принимающего важнейшие решения лидера государства. Это восприятие может быть более или менее адекватным в оценке имеющихся ресурсов и возможностей для проведения того или иного внешнеполитического курса, а также принятия решений стратегического и тактического характера. Если, например, заинтересованный в сохранении власти лидер использует внешнюю политику в своих политических интересах, пренебрегая при этом базовыми ценностями и интересами страны, то такая политика будет в конечном счете скорректирована действием долгосрочных, выражающих интересы национального сообщества факторов.

Немалое значение имеет и стиль осуществления внешней политики. Наряду с действием перечисленных выше объективных факторов на проведение российской внешней политики значительный отпечаток наложил характер президента страны, его формирование в спецслужбах и соответствующие этому убеждения и способы действия. Например, сегодня активность России на международной арене связана не только с активностью поддержания суверенитета Сирии и Венесуэлы и их защитой от вмешательства США, но и с активными действиями разведки, спецоперациями, информационны-

ми кампаниями в соцсетях и основных СМИ. Масштаб такого рода активности связан с пониманием асимметричности современного мира и возможностей России, характерным для В.В. Путина и его ближайшего окружения, однако пока недостаточно хорошо исследован.

При том что перечисленные базовые факторы делают внешнюю политику России наступательной, методы наступательности могут отличаться при наличии в стране руководства с профессиональным происхождением и взглядами иного, непутинского типа. Если предположить, например, что страной руководил бы политик типа Е.М. Примакова, то и стиль внешней политики был бы приматовским, а не путинским.

Исследователи российской внешней политики обязаны учитывать как действие упомянутых выше базовых факторов — национальных ценностей, интересов, позиции внешнего окружения, наличествующих ресурсов, так и умение политиков и дипломатов использовать действующие факторы и создаваемые ими возможности. Любая политика и ее осмысление — не только наука, но и искусство, и уже поэтому политика плохо поддается прогнозированию и продолжает удивлять неожиданными поворотами и инициативами. Сказанное в полной мере относится и к внешней политике России. Сегодня в мировом порядке происходят кардинальные перемены. Многие из прежних правил и договоренностей не действуют, происходит крушение привычных представлений о международной системе. По мере этих изменений формируется и растет запрос на социальное и политическое творчество, а также пересмотр прежних моделей понимания мира и внешней политики государств.

Библиографический список

- Цыганков А.П.* Внешняя политика России от Горбачева до Путина: структура национального интереса. М.: Научная книга, 2009.
- Цыганков А.П.* Экспансионизм — не догма. Является ли внешняя политика России авторитарной и агрессивной? // Россия в глобальной политике. 2012. № 3. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ekspansionizm-ne-dogma/> (дата обращения: 30.07.2020).
- Brooks S.G., Wohlforth W.C.* Power, Globalization, and the End of the Cold War // *International Security*. 2000. Vol. 25. No. 3. P. 5—53. DOI: 10.1162/016228800560516

- Donaldson R.H., Noguee J.L. *The Foreign Policy of Russia*. Armonk: M.E. Sharpe, 1998.
- Fuller-Jr. W.C. *Strategy and Power in Russia, 1600—1914*. New York: Free Press, 1992.
- Gunitsky S., Tsygankov A.P. The Wilsonian Bias in the Study of Russian Foreign Policy // *Problems of Post-Communism*. 2018. Vol. 65. Iss. 6. P. 385—393. DOI: 10.1080/10758216.2018.1468270
- McFaul M., Sestanovich S. Faulty Powers // *Foreign Affairs*. 2014. November — December. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/eastern-europe-caucasus/2014-10-17/faulty-powers> (accessed: 28.07.2020).
- Neoclassical Realism, the State, and Foreign Policy* / Ed. by J.W. Taliaferro, N.M. Ripsman, S.E. Lobell. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Sushentsov A.A., Wohlforth W.C. The Tragedy of US–Russian Relations: NATO Centrality and the Revisionists’ Spiral // *International Politics*. 2020. Vol. 57. No. 7. P. 427—450. DOI: 10.1057/s41311-020-00238-4
- The Oxford Handbook of International Relations* / Ed. by C. Reus-Smit, D. Snidal. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- The Routledge Handbook of Russian Foreign Policy* / Ed. by A.P. Tsygankov. London: Routledge, 2018.
- Tsygankov A.P. *Assessing Cultural and Regime-Based Explanations of Russia’s Foreign Policy. ‘Authoritarian at Heart and Expansionist by Habit’?* // *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64. Iss. 4. P. 695—713. DOI: 10.1080/09668136.2012.671568
- Tsygankov A.P. *Russia and the West from Alexander to Putin*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

References

- Brooks, S.G. & Wohlforth, W.C. (2000). Power, Globalization, and the End of the Cold War. *International Security*, 25 (3), 5—53. DOI: 10.1162/016228800560516
- Donaldson, R.H. & Noguee, J.L. (1998). *The Foreign Policy of Russia*. Armonk: M.E. Sharpe.
- Fuller-Jr., W.C. (1992). *Strategy and Power in Russia, 1600—1914*. New York: Free Press.
- Gunitsky, S. & Tsygankov, A.P. (2018). The Wilsonian Bias in the Study of Russian Foreign Policy. *Problems of Post-Communism*, 65 (6), 385—393. DOI: 10.1080/10758216.2018.1468270
- McFaul, M. & Sestanovich, S. (2014). Faulty Powers. *Foreign Affairs*, November — December. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/eastern-europe-caucasus/2014-10-17/faulty-powers> (accessed: 28.07.2020).
- Reus-Smit, C. & Snidal, D. (Eds.). (2008). *The Oxford Handbook of International Relations*. Oxford: Oxford University Press.
- Sushentsov, A.A. & Wohlforth, W.C. (2020). The Tragedy of US–Russian Relations: NATO Centrality and the Revisionists’ Spiral. *International Politics*, 57 (7), 427—450. DOI: 10.1057/s41311-020-00238-4
- Taliaferro, J.W., Ripsman, N.M. & Lobell, S.E. (Eds.). (2009). *Neoclassical Realism, the State, and Foreign Policy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tsygankov, A.P. (2009). *Russia’s Foreign Policy from Gorbachev to Putin: The Structure of National Interest*. Moscow: Nauchnaya kniga publ. (In Russian).
- Tsygankov, A.P. (2012). *Assessing Cultural and Regime-Based Explanations of Russia’s Foreign Policy. ‘Authoritarian at Heart and Expansionist by Habit’?* *Europe-Asia Studies*, 64 (4), 695—713. DOI: 10.1080/09668136.2012.671568
- Tsygankov, A.P. (2012). Expansionism is Not a Dogma. Is Russia’s Foreign Policy Authoritarian and Aggressive? *Russia in Global Affairs*, 3. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ekspansionizm-ne-dogma/> (accessed: 30.07.2020). (In Russian).
- Tsygankov, A.P. (2012). *Russia and the West from Alexander to Putin*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tsygankov, A.P. (Eds.). (2018). *The Routledge Handbook of Russian Foreign Policy*. London: Routledge.

Сведения об авторе: Цыганков Андрей Павлович — кандидат философских наук, доктор философии (PhD), профессор Государственного университета Сан-Франциско, США (e-mail: andrei@sfsu.edu).

About the author: Tsygankov Andrei Pavlovich — PhD, Doctor of Philosophy, Professor, State University of San Francisco, San Francisco, USA (e-mail: andrei@sfsu.edu).